

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

ЧЕХОВ

без глянца

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6
Ч56

Составление и вступительная статья
Павла Фокина

Ч56 **Чехов без глянца** / [сост., вступ. ст. П. Фокина]. —
М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира»,
2022. — 414 с. — (Серия «Без глянца»).

Чехов — одна из тех фигур в истории культуры, которая всегда вызывает неподдельный интерес. Каким же был человек, сделавший так много для русского образа и русского слова? Что им двигало, к чему он стремился? Почему соединил собой два столь разных века? Ответы на эти вопросы и содержатся в свидетельствах современников.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6

© Фокин П. Е., составление, вступительная
статья, 2022

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ISBN 978-5-517-08560-3

*Памяти
Тамары Львовны Вульфович
с благодарностью*

Собиратель осколков

...Любимое мое занятие — собирать то, что не нужно (листки, солому и проч.), и делать бесполезное.

А. П. Чехов.

Из письма Л. С. Мизиновой

Жизнь Чехова соткана из противоречий.

Великий жизнелюб, он был обречен угасать годами в изнурительной болезни, сведшей его в преждевременную могилу.

Автор искрометных юмористических рассказов и водевилей общественным мнением оказался зачислен в разряд пессимистов.

Его популярность среди читателей была исключительной, критика же долгое время не хотела признавать в нем серьезного таланта.

Мечтал написать роман — и всю жизнь сочинял рассказы и повести.

К театру относился с нескрываемым скепсисом, но стал выдающимся драматургом.

Трудоголик, он более всего на свете любил праздность.

Вокруг него непрестанно клубились компании, заводить которые он был большой охотник, впрочем, держался в них особняком, постоянно покидая общество и уединяясь в кабинете.

Говорил «живо, хотя бесстрастно, без какого бы то ни было лирического волнения, но все же не сухо» (Ф. Ф. Фидлер «Из дневника»).

Смеялся до слез.

Смешил с серьезным видом.

На его розыгрыши и прозвища никто не обижался.

Зарабатывал много, однако так никогда и не обрел материальной стабильности.

Совершил путешествие вокруг света, одолел Сибирь, Дальний Восток, Тихий и Индийский океаны, поднялся на Везувий и исследовал парижское дно, чтобы через год на несколько лет осесть в деревне, «где всё в миниатюре».

Рассчитывал обрести в ней покой для уединенного творчества, но очень скоро превратился в уездного доктора, к тому же еще случилась эпидемия холеры, которая потребовала ежедневных разъездов и неустанных хлопот.

Лечил неохотно, но эффективно.

Прекрасно зная все последствия своей болезни, за врачебной помощью обращался только по принуждению.

Проницательные глаза поразила близорукость.

Понимал толк в еде, здоровье же требовало диеты. Даже от любимых сигар пришлось отказаться.

Увлечение рыбной ловлей не отменяло интереса к рулетке.

Жаждал высокой любви, не пропуская в то же время мимо ни одной милой дамочки, да и платными услугами не брезговал.

С женой предполагал жить раздельно, а когда наконец связал себя узами брака, тяготился постоянными разлуками.

Парадоксы чеховской судьбы и личности можно продолжать и множить.

Он родился в Таганроге, на самой окраине России — в городе, который мог стать столицей империи.

Он вырос между морем и степью.

Смышленный и любознательный, с замечательной памятью и вниманием, в гимназии особыми успехами не отличался.

Выходец из низкого сословия, поражал всех благородством и подлинным аристократизмом.

«Происходя из крестьян, Чехов не слишком уважал народ, он видел насквозь и достоинства его, и грехи» (М. О. Меньшиков).

Демократ по духу и образу жизни — революционер не поддерживал, более того, сотрудничал с консервативным «Новым временем», а «марксистом» называл себя только в шутку, в честь книгоиздателя Маркса, от которого получил капитал за права на собрание сочинений.

Прекрасно знал церковную службу, жития святых, быт и нравы клира, уважал священников, посещал монастыри — колокольный звон пробуждал в нем радость и умиление, — тем не менее склонен был к атеизму и материализму.

Его интересовали кладбища и цирк с «клоунами, в которых он видел настоящих комиков» (А. С. Суворин).

Его притягивала кипучая жизнь Петербурга и Москвы, а он томился в захолустной Ялте.

Любил Россию и восхищался Европой.

Иностранным языкам обучен был плохо: читал, но говорил с трудом, тем не менее предсмертные слова произнес по-немецки.

Вот уж поистине в ком, говоря словами Достоевского, «противоречия вместе живут»!

Однако главный парадокс личности Чехова в том, что, вопреки всему сказанному, в нем не было ничего от героев Достоевского — никакой двойственности, разделенности, никакого надрыва и излома. В эпоху «Братьев Карамазовых» он жил размеренной, деятельной и трезвой жизнью. Не спорил, не умствовал,

не изливал душу. Лечил крестьян, строил для их детей школы, организовывал библиотеки, сажал сады, выращивал цветы и баклажаны.

Ткань бытия Чехова была столь плотной и прочной, что противоречия, свойственные каждому человеку, не могли не то чтобы порвать, но и просто надорвать ее. Края, и даже крайности, не конфликтовали между собой, связанные многочисленными нитями с основой — практичной и надежной.

Зинаида Гиппиус не без уважительности писала о феномене личности Чехова: «Слово же „нормальный“ — точно для Чехова придумано. У него и наружность „нормальная“... Нормальный провинциальный доктор, с нормальной степенью образования и культуры, он соответственно жил, соответственно любил, соответственно прекрасному дару своему — писал. Имел тонкую наблюдательность в своем пределе — и грубоватые манеры, что тоже было нормально.

Даже болезнь его была какая-то „нормальная“, и никто себе не представит, чтобы Чехов, как Достоевский или князь Мышкин, повалился перед невестой в припадке „священной“ эпилепсии, опрокинув дорогую вазу. Или — как Гоголь, постился бы десять дней, сжег „Чайку“, „Вишневый сад“, „Трех сестер“, и лишь потом — умер».

Своей «нормальностью» он поражал и притягивал. Удивлял и озадачивал. «В Чехове было что-то новое, как будто совсем из другой жизни, из другой атмосферы», — писал Суворин. Он словно бы выпадал из специфической русской жизни. «Глядя на Чехова, я часто думал: вот какими будут русские, когда они окончательно сделаются европейцами», — признавался Меньшиков.

И хотя внешне Чехов напоминал «русского миловидного парня, какие повсюду встречаются в зажиточных крестьянских семьях» (П. А. Сергеев), по характеру и типу поведения он ближе к «немцу». Семейное